

concentratum dilu- Acidum Nitri- nitratum, additum Acidum Nitro-
Acidum Nitri- m Ac- nitratum, additum Acidum Nitro-

★ Катя Пузаткина ★

ПАРФЮМЕРНАЯ ЛАВКА,

или

Девять сестёр

Acidum formicarum D, H, S, N, M, W, H, S
Acidum acutum, atmosphericum

Катя Пузаткина

**Парфюмерная лавка,
или Девять сестер**

«Издательские решения»

Пузаткина К.

Парфюмерная лавка, или Девять сестер / К. Пузаткина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-532156-5

Эти женщины каждый день собираются в офисе, чтобы погрузиться в унылую череду будней. Но раз в три месяца и с ними происходит чудо: появляется таинственная Ирина и окутывает их гипнотическими ароматами элитных духов, погружая в яркие мечты и воспоминания — то тяжелые, то счастливые. Истории девяти женщин — одиноких, семейных, деловых, легкомысленных — складываются в одну, где общие страхи и общие радости, и зыбкая надежда на то, что удастся расправить крылья и взлететь.

ISBN 978-5-00-532156-5

© Пузаткина К.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Парфюмерная лавка, или Девять сестер

Катя Пузаткина

*Is it perfume from a dress
That makes me so digress?
T.S. Eliot*

Иллюстрации и рисунок обложки К. Дюкрэ

Редактор Наталья Астанина

Корректор Александра Репина

Дизайн обложки Мария Ведищева

© Катя Пузаткина, 2021

© К. Дюкрэ, художник, 2021

ISBN 978-5-0053-2156-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Do you wanna be an artist for a moment?

Надпись на полу в туалете кинотеатра

Глава 1

Чем раз в три месяца занимались работницы в обеденный перерыв. – Житейские воззрения Ирины. – Елена среди книг и камней. – Как З. Б. рассуждал о погружениях. – Материально-чувственный космос. – Чаепитие на кафедре русской литературы.

Зимние будни Москвы. Безликие вереницы офисных служащих осторожно, чтобы не поскользнуться, стекаются на работу. Двигаются торопливо, ритмично, даже в полусне сохраняя драйв борьбы, дух беспокойной конкуренции. Открываются двери, включается яркий дневной свет, разгоняет мрак и режет полусонные глаза. Служащие опускаются в насиженные кресла, проглатывают кружку кофе, залипая в монитор, и к моменту, когда в окне забрезжит серый свет, обретают более или менее работоспособное состояние.

Привычная блеклость рабочего утра для выцветших и близоруких сотрудниц редакторского отдела в юбках-карандашах и гармонирующих с повседневностью блузах сегодня расцвечивалась предвкушением удовольствий. В течение трех месяцев водянистые бусины будней расплывались банальным, но проходящим по дресс-коду Учреждения аксессуаром. Редакторы, каждая в своей крохотной ячейке, усердно и кропотливо разбирали бурелом текстов, прореживали, постригали, причесывали – словом, приводили в божеский вид.

Сменяли друг друга похожие капли хлопотливых рабочих дней – множество дней, чередой, один за другим. И среди зелени, стянувшей пруд, белым лотосом неизменно расцветал один особенный день, который позволял каждой из призрачных подслеповатых редакторш уловить нечто свое и удержать за хвост ускользающую индивидуальность. В долгожданный час навевалась гипнотическая Ирина, по-своейски располагалась в казенном пространстве и превращала его в парфюмерную лавку, аккуратно растягивая полиэтиленовое время обеда до неуловимых границ.

Стальная воля, перисто-серая вязкость взгляда Ирины настойчиво затягивали, зазывали носы прогуляться по извилистым тропам в пространствах памяти и пополнить свой парфюмерный гардероб. Действо в высшей степени заманчивое.

В приходах Ирины все были заинтересованы. Она давала возможность спасти от забвения похороненные на чердаке памяти впечатления, дать им волю, пережить отдельные фрагменты жизни более полно, глядя на них с отдаленной позиции зрителя режиссерского кино, где каждая жест и деталь, взятые в кадр, что-то да значат.

К этому событию готовились заранее, накапливали деньги и приходили с пухлыми кошельками, потому как знали, что Ирина не торгует каким-нибудь там масс-маркетом, а предлагает нишевую парфюмерию, которая дорогого стоит.

Первую вспышку восторга вызывало созерцание разнообразных флаконов с муаровыми, хлопковыми, кожаными или велюровыми, повязанными на горлышке, как кашне, этикетками, на которых золотились письма. Строгие и легкомысленные, элегантные и кичливые, изящные, минималистичные, причудливые и незамысловатые экспонаты из стекла, керамики, полимеров и алюминия выстраивались перед замершими в благоговейном трепете поклонницами.

Прелюдия разглядывания и любования была непродолжительной. Все томились в нетерпении. Бледные, желтоватые, пергаментные руки порывисто тянулись за счастьем.

«Парадокс Жакомо», – прочла Елена на лоскуте, подвязанном к золотистой шарообразной крышке флакона абстрактных очертаний цвета влажного песка. Название оставляло простор для фантазий. Елена озарилась нездешним, вытянулась в струну, подняла голову и, крепко обхватив пузырек худыми кистями, представила себе характер, фактуру и свойства нового зна-

когого. Безусловно, поэт, интеллектуал, мастер интриг, элегантный, харизматичный и немного бесшабашный ретросексуал.

Ирина достала из своих закров прозрачный пакетик с блоттерами. Елена опылила один из них ароматом «Парадокса Жакомо», поднесла к лицу, прикрыв глаза и расширив ноздри.

В вечерней прохладе звучали опьяняющая сирень, легкая терпкость сырой почвы, привнесенная, вероятно, фиалковым корнем, дрожал флуоресцентный подголосок асфальта с примесью городских выхлопов, и было что-то еще, похожее на запах старых фотографий. Эта красивая многослойная композиция вызвала четкое воспоминание в темно-серых тонах.

Весенний выходной большого города, в сумраке двора с жалобным скрипом раскачивались качели на засыпающей в жидком свете фонаря детской площадке. В другое время этот звук мог встревожить, но сейчас они поскрипывали в унисон душе. Елена отождествила себя с грустной девушкой, которая зябла впотьмах на качелях, прислонившись виском к холодному железу подвесных цепочек. Немного погодя к покачивающейся Елене приблизился темный силуэт.

З. Б. не сыграл никакой роли в ее жизни, но его затемненный, ничем, казалось, не примечательный образ крепко держался в памяти. В нем был подтекст, который хотелось разгадать. Умиротворенное лицо. Спокойная, отстраненная речь воспринималась как иносказательное откровение. Она помнила ее отчетливо.

Он говорил о том, как пришел к фридайвингу. Началось все с обыкновенного подводного плавания в открытом море с аквалангом. З. Б. подробно описывал свои ощущения. Его коан нарастал волной, стремящейся сломать барьеры и открыть путь по ту сторону.

Впервые он испытал это в Египте, два раза погружался в Красное море с инструктором. Потом уже на Шри-Ланке познакомился с опытным русскоязычным дайвером, с ним прошел обучающий курс и сдал экзамен на сертификат. Последние погружения были в Таиланде, на острове Пхукет. Заодно он побывал в райской бухте, где снимали фильм «Пляж».

«Что лично меня привлекает в дайвинге? Я научился легко входить в особое состояние. Я запомнил его и по своему желанию могу вернуться в него в любой момент. Это чистое наслаждение.

Двигаясь медленно, ты ласкаешь время. Когда мысли прячутся в норы и замирают, роза реальности раскрывается перед тобой. Ты двигаешься в формате 3D, плавно, свободный от собственной тяжести: вверх, вниз, вперед, назад, по диагонали, кругами, зигзагами. Ты проплываешь над горами, провалами, пропастями и мрачными расщелинами по прямой, совершенно непринужденно. Жизненные планы, груз взаимоотношений, неудавшиеся или недоделанные дела больше не пульсируют в тебе. В этом гладком пространстве из жидкого бутылочного стекла под музыку гулко-го журчания ты прощаешь себе ноющие долги. Рыбы проходят ровной мерцающей стаей, их прозрачные плавники движутся синхронно, некоторые смотрят на тебя с удивлением, и, освобожденный, ты разделяешь их чувства.

В предельной близости с водой вся поверхность твоей кожи, каждый волосок, придавленный гидрокостюмом, ощущают ее нежные прикосновения, мир внутри пребывает в благодати от ее легкой ласки».

При этих словах З. Б. осторожно, едва касаясь подушечками пальцев, погладил локти Елены. От бережных, теплых касаний, контрастирующих с холодным металлом качелей, бежали мурашки и приятно покалывали поднимающиеся на затылке волоски.

«Ты вникаешь в сакральную геометрию раковины моллюска. Развитие по спирали означает, что можно начать с любого места, никогда не бывает поздно и можно никуда не спешить.

Я не могу определить себя, но предельно четко ощущаю свое бытие, — продолжал З. Б. — Я свободен от желаний, которые привязывают к тому, чего у меня нет, я не погружен в отсутствие. Жизнь самодостаточна и полна сама по себе, вне желаний. Знаешь, что такое присутствовать? Это значит всецело радоваться тому, что ты есть. Я присутствую в воде. Нет при-

вычно выраженной событийности, но все время что-то происходит, каждый миг преисполнен. Устраняется внутренний монолог. Я пассивен, и музыка моего равномерного дыхания и сердцебиения, вливаясь в симфонию Мирового океана, добавляет новое в бесконечность разнообразия. Ты незаметно превращаешься в нечто иное. Твое существо перетекает во что-то неожиданное, но хорошо знакомое, ты наполняешься неизвестным веществом, обретаешь новую форму и снимаешь противоречия.

В таком состоянии сами собой стираются границы между возможным и невозможным, и эта неожиданная и поступенчатая трансгрессия объединяет тебя со всем. В невесомости ты находишь искомое равновесие. Перестаешь придавать своему «я» слишком много значения. Песчинка «я» теряет важность. И во всю ниспосланную тебе мощь ты испытываешь восторг от мира, который тебя окружает. Упоение, радость осознания того, что вокруг каждый миг происходит. Жизнь в своих разнообразных формах в высшей степени восхитительна. Чем меньше я, тем больше блаженства.

Для того чтобы стать цельным, нужны просто голос воды и внимательность. Перед тобой человек, который никогда не вернулся. Каждый раз, когда я мою руки, принимаю душ или иду под дождем, я ощущаю свой контакт с водой, благодарно принимаю ее нежность. И постоянно слышу воду в себе, наблюдаю, как проходит по веткам артерий ток жизни, блаженство».

З. Б. говорил долго. Минуя содержание речи, Елена внимала плавному течению его голоса с обволакивающим тембром. Ритм говорения, его монотонность гипнотизировали. Рядом с З. Б. было спокойно и уютно, в нем ощущалась внутренняя свобода, которая позволяла окружающим его людям, вещам, явлениям и событиям легко выходить за рамки привычного и проявляться по-новому, поэтому там, где он пребывал, время расширялось, границы становились проницаемыми, и все было вероятно.

Елена расслабилась, в этот момент ей так хорошо было внутри себя, что совсем не хотелось что-то отвечать, подбирать слова, правильно сцеплять их между собой по временам, лицам, числам и падежам, прилагать усилия к тому, чтобы быть внятной. Да и не было особой причины нарушать установившееся равновесие имен и вещей и менять сложившийся из хаоса порядок. Елена вообще не отличалась общительностью и письменный текст предпочитала устному высказыванию. Она любила в обыкновенном выхватывать неповторимое, и З. Б. понравился ей: он наполнил вечер свежей странностью. Однако идти к нему смотреть кино она отказалась. Не хотела приглашать в свой сон никаких гостей.

Елена жила скромно в однокомнатной квартире-студии у Химкинского леса со своей кошкой. Ее жизнь длилась между строк таинственно-прекрасной, глубоководной поэзии. Рильке, Вордсворт, Уитмен, Элиот, Блок, Мандельштам, Цветаева, Липкин, Бродский... Она проводила спокойные дни в одиночестве и внутренней тишине, два раза в год во время отпуска путешествовала, летом каталась на велосипеде по лесу, зимой там скользила на лыжах, а вечерами писала статьи по истории литературы в научный журнал. Понемногу меняя акценты, оценки в освещении прошлого, Елена обновляла историю собой, своими представлениями о том, что было. Вечно живая, она воссоздавалась заново, как уводящий в бесконечность сериал с бесчисленными вариантами интерпретации событий и героев. История преображалась под воздействием личности интерпретатора, превращалась в миф. Все остальное время занимала работа. Погружаясь в ее привычный круговорот, Елена не замечала утекающего времени и была отстраненно-спокойна.

Испытав еще раз контрастные ощущения от ледяных цепочек качелей и теплых пальцев З. Б., Елена вздрогнула, скрестила руки, согрела себя ладонями и произнесла решительно: «Этот аромат возвращает приятные переживания, это абсолютно то, что сейчас мне надо, я его возьму».

Некоторое время Елена ощущала послевкусие возвращенных мгновений. А когда чарующее их действие стало ослабевать, потянулась к другому приглянувшемуся ей флакону.

Он был из прозрачного стекла в форме кристалла, покрытого блестками. Пирамидальный колпачок, инкрустированный крупным переливчатым стразом, снизу был трижды перевязан серебристым шнурком с металлической табличкой.

Ледяной «Материально-чувственный космос», главные роли в котором исполняли водка и горький цитрусовый тоник, шипящий, щекочущий нос пузырьками, через который не сразу проступила дымная древесность, звучал оригинально, пикантно. Сменяя морозность верхних нот, тепло раскрылись сливочный мускус и припудренный ирис, а в переливчатой ауре улавливались полутона обволакивающей амбры, подогретого темного шоколада с остринкой имбиря и нюансом жареного миндаля. Елена ощутила легкое головокружение и перенеслась в педагогическую альма-матер, на кафедру русской литературы, где в течение пятого курса работала лаборанткой.

После очередного научного мероприятия организовали застолье. Как водится, выпивали водку, закусывали подарочными отечественными шоколадными конфетами с пралине и прокуривали небольшое помещение кафедры с длинным прямоугольным столом посреди так, что хоть святых выноси. Даже одурманенные, профессора и доценты, доктора и кандидаты филологических наук оставались в своем репертуаре и, рассыпавшись на группки, вели дискуссии не на злободневные темы, а исключительно о высоком: о стилистике Набокова и гении Платонова, компромиссе Горького, прозорливости Гоголя, поразительно современном слоге Розанова, поэтическом священнодействии Заболоцкого и прочем.

В дымном гвалте блестящими рыбками показывались на поверхности и ныряли в глубину отдельные реплики, а смысл всей речи смывал вновь нарастающий гул разговоров: «Он боялся... вызовет недовольство и на нем отыграются... Это субъективный исторический источник... Здравый смысл возобладал... В таком случае он заблуждался! Его заблуждали, поэтому он заблуждался... Но в русском театре была драматургия до классицизма... Извините, он не вполне русский писатель... Хейзинга... Результат игры как объективный факт незначителен и безразличен... и по мере того как оно возрастает, игрок более уже не сознает, что играет... ..комплекс Бобчинского... дефицит легитимации, который свойствен русскому человеку... Я рекомендую вам обратить внимание на... Эта мифологема активно внедряется в сознание людей...».

После нескольких рюмок крепкого спиртного, закуренных длинными тонкими сигаретами с ментолом, Елена вся обращалась в зрение и слух, спокойно наблюдала за происходящим, изредка вставляя загадочные комментарии хрипловатым, смолисто-тягучим голосом. Тонко поблескивала серебристая оправа очков.

«Здорово, – подумала Елена, – аромат содержателен, напоминает мне молодость. Это воспламеняет. Его тоже куплю».

Елена решила, что приобрела все, что хотела, и пора остановиться, но тут ее взгляд зацепился за оригинальный флакон из полимера, напоминающий серый нешлифованный камень с красноватыми прожилками. На этикетке было написано «Самое само», а значит, ожидать от них можно было многого.

Как обухом по голове Елену оглушил откровенный, грубый запах конского пота и чего-то еще грязного, непотребного на фоне сухой степи. Первая реакция – резкое отторжение, мерещилось сырое мясо, и это было почти несносно. Но Елена не отличалась склонностью к скороспелым решениям, и в момент промедления что-то неуловимое в нем привлекло, заставило заподозрить второе дно.

Замешательство породило противоречие: в развитии послышался обворожительный сладковатый цветок, оттеняемый табачностью ветивера. Это придало аромату нечто зазывное, сексуальное, даже наркотическое. Теперь уже Елена была готова позволить себе эту блажь. Аромат никак не вписывался в ее парфюмерный гардероб, но он мог бы заземлить ее, раскрыть в ней ту ипостась, которую она избегала видеть в себе в силу неотработанных комплексов.

Елена призадумалась о том, что ей бы не помешало придать себе немного развязности, умерить строгий нрав. К тому же постепенно во всю ширь разливался дух степи.

Звенящая вечностью степь в темной впадине памяти осветила воспоминания о детстве, проведенном в Бурятии, на земле шаманов. Отец Елены пребывал там в долгосрочной командировке, проводил геологическую разведку, изучал минералы. Дом, который снимала семья из трех человек в поселке у озера Байкал, был превращен в минералогический музей, в нем она прожила восемь лет в окружении книг и камней.

Лена много путешествовала с отцом по Бурятии, горной, лесной и степной, помнила такой родной и манящий запах хвои и сухой травы, цветов и пастбищ. А когда папа умер, внутри у нее что-то онемело, кристаллизовалось. Она почувствовала, что теперь в этом мире одна. Снаружи осталась водой, а внутри обрела твердость камня.

Возникший из ниоткуда долгий, местами истершийся бурятский сон подарил ей ощущение блаженства. Все сомнения по поводу покупки окончательно развеялись.

«Экономить на себе – неправильная философия. Себя надо любить. Кто же полюбит вас, наконец, если вы сами себя не любите? Только подумайте об этом. Кто будет баловать вас, если вы сами себя ограничиваете? Что еще вы не можете себе позволить? Решайтесь. У женщины должно быть много духов, эту заповедь нельзя преступать.

Духи – это генератор эмоций. Женщина имеет право на свое эмоциональное состояние. Наш внутренний мир, наши законы. Надо менять ароматы по настроению, у нас должен быть выбор», – окидывая аудиторию долгим туманным взглядом, приговаривала предприимчивая Ирина, когда отмечала в лицах редакторш недостаток решимости расстаться с доброй частью своей зарплаты и пополнить ряды пыльных склянок на туалетных столиках.

Угощая дам духами, Ирина говорила бархатным голосом и таким менторским тоном, что слова ее поневоле воспринимались как безусловная истина. Никто и не думал ее оспаривать, хотя всем было ясно, что она не особенно сведуща в аромакологии, ведь она не упоминала о составах, не давала комментариев к самим ароматам, маркам производителей, не владела специальной терминологией, даже не употребляла понятий: нота базы, нота сердца, пирамида и прочее. В общем, побуждала к покупке не описанием тонкостей ароматов, а проповедуя свою житейскую философию. Даже, случалось, приводила латинскую цитату.

Некоторые ее речи были длинными и высокопарными, некоторые – лаконичными и прямолинейными. Она старалась придать своим словам особое выражение, разные оттенки таинственности. С музыкальной точки зрения звучало это эффектно, а суть сказанного особо никто не разбирал, никому дела не было до того, так ли это или наоборот.

Обычно дамы охотно расставались с деньгами в обмен на нечто особенное. Когда же, бывало, какая-нибудь из них колебалась в выборе, Ирина раздражалась, в ее речи прорывались грубые ноты, взгляд становился пугающим, но ей хватало самообладания, чтобы опомниться, и через несколько мгновений она снова входила в свой тон. Мало-помалу она изучила ольфакторные предпочтения своих клиенток и заранее отбирала те ароматы, которые могли бы доставить им удовлетворение. Действуя таким образом, Ирина весьма преуспела в превращении своей аудитории в парфюмерных аддиктов. Товар шел нарасхват.

Глава 2

Жасмин и сигарета. – Озорство Светланы. – Рецепты против скучной жизни. – Рассказ дамы из-за соседнего столика. – Какие есть масти лошадей. – Стераксовы слезы. – Рукоделие Мойры. – Почему нельзя пренебрегать духовностью.

Светлана с озорной улыбкой томила в пухлых ладонях гладкий, совсем простой алюминиевый пузырек с надписью «Внутренний маскарад» и куталась в водянистый, почти монотонный аромат жасмина, задымленного сигаретой, – в накидку из лебяжьего пуха в июньский предрассветный час. Она выходила из прокуренного ресторана, вдыхая крепкий запах цветущих белых кустов и на ходу прощаясь с покидающим заведение аккордеонистом. В ушах еще звучали харизматичные аккорды блюзовой песни с драматичными словами: «Надо пить, играть и веселиться, ведь от смерти и от сна нас ничто не отделяет». Выпитая бутылка шампанского под терзающий сердце звук аккордеона пробудила в Светлане томление и влюбленность, и единственным подходящим объектом для подпитки возникшего чувства был музыкант, так как муж, сидящий напротив, был слишком привычен.

Брак Светланы считался благополучным, но что-то ее смущало. У нее была переменчивая, склонная к чрезмерной веселости натура. Кроме того, она с юных лет испытывала особую слабость к мужчинам, так или иначе причастным к музыке. Появление в ее жизни мужа немного изменило.

Алексей великодушно принял характер жены, как и большинство обязанностей по дому. А когда однажды у Светы случился роман и она честно привела музыканта домой со словами: «Виктор будет жить с нами. Мы любим друг друга» (обманывать мужа Света не могла), Алексей со смирением принял и это, понимая натуру Светы и доверяя ее решениям. В душе он верил, что Света опомнится и все вернется на круги своя.

Первым опомнился Виктор, ему стало неудобно перед Алексеем. Смутила неестественная, с его точки зрения, терпимость мужа по отношению к легкомысленной жене, он не стал углубляться в оттенки возникших внутри него самых смутных мыслей и чувств и тихо исчез. С его уходом гармония в семье была восстановлена, более того, обновленная любовь супругов принесла долгожданного сына.

Время шло, приливалось и отливалось, и размеренная, уравновешенная семейная жизнь снова казалась ей беспросветной. Было очевидно: чтобы было здорово и интересно, помимо того, что воплощал для нее муж, она нуждалась еще в чем-то. И эту брешь неумная натура пыталась прикрыть пестрым разнообразием, то и дело вносимым в жизнь.

Возложив заботу о сыне преимущественно на свекровь и мужа, после работы и в выходные Света посещала семинары по целеполаганию и пробуждению женской энергии; ходила в фитнес-клуб на йогу; пропагандировала вегетарианство и вела кулинарный блог с рецептами полезных и питательных вегетарианских блюд, которыми по воскресеньям баловала свое семейство. Блог быстро набирал популярность благодаря скорее харизме Светы, нежели объективно интересному и оригинальному содержанию. Света не изобретала велосипед, а брала давно известный простой рецепт, добавляла туда новый ингредиент или приправу, давала «новому» творению броское название и оригинально украшала его, превращая в фотогеничный арт-объект. Многие из этих названий относились к реально существующим блюдам национальных кухонь и с рецептами Светы общего имели немного. Чаудер, например, она готовила из овощей и бобовых, заправляя все это асафетидой, молотым имбирем, семенами черной горчицы и кумином, а обыкновенная шарлотка с добавлением в нее куркумы, ванили и изюма и украшенная яблочной и морковной соломкой в меду легко превращалась в «Корнуэльский

яблочный пирог». Но приготовление и подача блюд описывались с такой искрящейся убедительностью, простотой и юмором, что публика все съедала с благодарностью, ставила лайки и мало-помалу приумножалась.

Света действовала как ей заблагорассудится, не слушала ничьих советов, беспрестанно создавала вокруг себя кипучую деятельность, с неистощимой энергией бросалась от одного предприятия к другому. Какие-то увлечения были долгосрочными, какие-то вспыхивали в высоте и, в плавном полете опускаясь на землю, гасли.

Постоянным увлечением было пение. На протяжении нескольких лет Света занималась с преподавателем академическим вокалом, сольно выступала на благотворительных мероприятиях в камерных залах домов ветеранов и пенсионеров и в старомодных подмосковных домах культуры, посещала вокально-двигательный тренинг, по средам пела в любительском хоре, который ютился в каморке у черного входа музыкальной академии. Иногда декламировала стихи в клубах и музеях-квартирах прославленных русских классиков. Коллеги Светы недоумевали, что ее при таких склонностях заставляет работать в столь унылом, беспросветном месте. Понятно, приличная зарплата, статус и хороший соцпакет еще никому не помешали, но здесь все перечисленное предлагалось в обмен на жизнь, Свете как-то не шло это. Но они ошибались. Ей надо было где-то отдыхать, и уход в реальность чуждых ей текстов был методом перезагрузки.

В общем, празднично настроенная самой природой Света не должна была скучать. Помимо прочего, у нее был дар, регулярно вносящий дополнительное разнообразие в ее жизнь: она вызывала доверие у посторонних людей. Ее простота, непосредственность, врожденное обобщенное человеколюбие и отзывчивость распространяли невидимые сигналы на дальние расстояния и побуждали разных незнакомцев подходить к ней с вопросами на улицах, заговаривать в кафе, в транспорте (вплоть до эскалаторов метро), на мероприятиях. И обращались к Свете не только иногородние и иностранцы. Даже обыкновенно холодные москвичи смягчались, оттаивали и неожиданно, не всегда уместно раскрывали перед Светой душу, интуитивно улавливая восприимчивость и сопереживание. Неловкость вынужденного общения Свете была незнакома. Она легко отзывалась и принимала в каждом встречном дружеское участие. С этой особенностью ее жизнь обогащалась оригинальными историями, связанными со случайными знакомствами.

Так, однажды субботним утром в известном столичном антикафе неподалеку от своего дома она попивала чай на индийских травах, закусывая приготовленным без добавления яиц пирожным «картошка» и пирогами с позволительной вегетарианцам начинкой. Сюда она забежала на полчаса в поисках свежих кулинарных идей для своего блога: просматривала веганское меню и поминутно что-то по старинке от руки записывала в бумажный девчачий блокнот с бело-розовым единорогом. Вслед за тем она принялась шуршать страницами вегетарианской газеты, захваченной ею у входа. Быстро пролистав статьи с рассказами знаменитостей о том, как они пришли к осознанному отношению к планете, она нашла рецепт, выписала что-то из него, отложила газету и рассеянно огляделась по сторонам, прихлебывая из расписной темно-синей глиняной чашки. Несколько минут спустя к Свете из-за соседнего столика обратилась молодая дама:

– Девушка, извините, а можно вас попросить... Посмотрите, пожалуйста, у меня сзади все в порядке?

Света придирчиво оглядела с тыла миловидную стройную даму и с сияющей улыбкой заверила ее, что все хорошо. Дама в ответ продемонстрировала ровные, белые, немного выдающиеся вперед зубы и придвинула свой стул поближе к Светиному столику. Завязалось знакомство, и, сцепив на коленях руки, подняв и округлив впереди плечи, дама начала монолог. Она говорила врасстяжку, с особой интонацией, похожей на мурлыканье гуляющей кошки. Ее речь расстилалась, как скатертью дорога. За ней должен был заехать ее друг, чтобы вместе поехать

на ипподром, так как сегодня скачки. Для нее это всегда особое событие, в нем есть что-то неизведанное. К нему она тщательно готовится, заранее подбирает наряд. Вот несколько дней назад купила это платье. Не в простом магазине, а в шоуруме одной известной инстаграмщицы. Туда просто так, с улицы, не придешь, надо заранее записываться по телефону у менеджера. Персональный шопинг называется. «Правда, красивое?» На скачках обязательно надо быть красивой, это как-то внутренне освобождает, тело ощущает праздник и дышит каждой клеточкой, вбирает особую атмосферу от возбужденной публики, потных лошадей, гибких жокеев в бриджах и рединготах, шлемах, крагах, белых рубашках и перчатках. В кафе стало холодно от усиленной работы кондиционеров, и дама, не прерывая речи, надела серую кашемировую кофточку со сплошным рядом мелких перламутровых пуговиц, по которым с особым проворством сновали ее детские пальцы, как будто это был юный пианист за роялем. Обыкновенно в магазинах, где много платьев, она терялась, но тут же подбегала какая-нибудь продавщица и говорила, говорила, говорила. В результате она покупала какое-то платье, уходила домой, голова кружилась, а при домашней примерке платье оказывалось совсем не то и большего размера. В этот раз все было по-другому, потому что в шоуруме индивидуальный подход к клиентам, все внимание только тебе. И девушки там тактичные. В итоге она купила вот это прекрасное цвета айвори платье, приталенное, с открытой спиной, не очень короткое, до колен. В этот момент у дамы зазвонил мобильный, она сняла трубку и заговорила с неизвестным, еще больше растягивая слова. Окончив разговор, она сообщила, что это ее друг Андрей, он подъедет через полчаса. У него есть своя лошадь. Он увлекается конным спортом. Благодаря ему она стала разбираться в мастьях лошадей и запросто может отличить гнедую от вороной, пегую от каурой, а еще есть саврасая, буланая, соловая и в серое яблоко. С Андреем они познакомились на общем собрании жильцов их многоквартирного дома, он живет через два подъезда, у него свой строительный бизнес, который приносит ему хороший доход. Это влиятельный мужчина среднего возраста. Женат, но мечтает о разводе. Раз или два в неделю он звонит, и они встречаются. Сама она мужчинам не звонит, у нее комплекс. Кого-то это раздражало, но постепенно все привыкали. Полгода назад она развелась. Тяжело, скандально. Сначала было зарегистрировалась на сайте знакомств, встречалась кое с кем (это отдельная тема, можно сборник новелл написать), но психолог, которого присоветовала ей одна подруга (сеансы с ним она продолжает до сих пор), настроил ее на то, что надо побыть какое-то время одной, вернуться к себе. Она приостановила свою активность на сайте знакомств, а через несколько дней повстречалась с Андреем. Он давно уже обещал уйти от жены, однако до сих пор не ушел. Она хотела порвать с ним, но он говорит, что она для него единственный свет в окошке, но пока он не может уйти, потому что их с женой связывает какая-то непонятная давняя история, где много сложностей, в которые он не хочет ее погружать. И это длится уже полгода. Ее, естественно, это не устраивает, ведь у нее к нему чувства, да и находиться в подвешенном состоянии тяжело, но давить на Андрея она не может, он раздражается, когда она об этом заговаривает, твердит, что все это и так его ранит и не надо его заставлять страдать еще больше, но она тоже так не может, и надо принимать свои меры.

– Я раньше думала, что роман с соседом – это история из бородатых анекдотов, ну или оздоровительная процедура, при поверхностном рассмотрении в этом есть что-то такое бытовое, обиходное. Но с Андреем у меня все красиво, романтично и в то же время серьезно. Я хочу, чтобы жена узнала, что в его жизни есть я. И вот я решила, что пора действовать. Когда он был в душе, я нашла в его мобильном номер жены и сохранила его себе на случай, когда отчаяние перекроет мне кислород и я начну задыхаться от обиды и одиночества. В углу нашего дома между подъездами есть ниша, где можно перпендикулярно к дому припарковать две машины. Его жена там всегда паркует свой черный «Лексус», рядом с подъездом, где Андрей живет. И я стала ставить свою белую «Ауди» – мне ее недавно Андрей подарил – в эту же нишу, параллельно ее машине. Это ей первая весточка обо мне...

Светлана заинтересовалась лошадьми, выпросила подробности про гнедую, каурую, сизую, пегую и саврасую, посочувствовала любовным перипетиям, в которых запуталась ее новая знакомая, расспросила про скачки, несколько раз удачно пошутила, они хихикали и через час – Андрей опоздал – уже вместе ехали в его машине на ипподром.

Света любила предоставлять свободу случаю. Спонтанность вызывала чувство эйфории, полета. Света находилась в своей стихии, импровизировала. Познакомилась с друзьями Андрея, после скачек поехали в ресторан, потом в караоке, где Света, покоровшая всех своим вокалом, пропела до утра. Ей рукоплескали и кричали «Браво!» не только мужчины, но и женщины. Жена крупного, импозантного мужчины в свою очередь петь подошла к румяной, с горящими глазами Свете, поставила перед ней на столик коктейль, лавандовый джин с тоником, передала ей микрофон и прокуренным, низким голосом отрезала: «Пой, мой муж платит!»

Коктейли появлялись перед Светой один за другим, потом кто-то поехал ее провожать, и она целовалась с ним в лифте, пока поднималась до своей квартиры, как в пору бурной молодости.

«Жасмин и сигарета – дерзкое и легкомысленное сочетание, возврат в эпоху парижского модерна с налетом богемности и бегство от рутины. Этот аромат внутренне освобождает. Мне это нравится», – сказала Светлана и, улыбаясь, протянула Ирине несколько хрустящих купюр.

Но останавливаться было рано. Следующий флакон, который попался под руку Свете, был похож на ствол дерева с коричневыми наплывами смолы и венчался крышечкой с россыпью белых цветов. Без названия и затеста Света была уверена, что внутри царит стиракс. Лицо стало пасмурным.

Обладателям безоговорочного оптимизма эта черта не всегда идет впрок. Впрочем, Света о досадных промахах быстро забывала.

Почти сразу после замужества она увлеклась славянскими народными танцами и игрищами, вошла в сообщество последователей русских народных традиций и приверженцев натурального образа жизни. Весной, летом и осенью на природе, а зимой в арендованном лофте они водили хороводы, играли в солярные игры, распевали старинные народные песни, медовыми красками расписывали яйца языческими обережными узорами, пили чай из самовара с калачами. По календарным народным праздникам выезжали на места силы, посещали священные рощи, парились в русской бане. Это был один из самых ярких и радостных периодов ее молодости. Света настолько прониклась этим, что решила полностью изменить образ жизни, уехать из Москвы и жить в собственном доме на природе.

Супруги тщательно продумывали место. Выбирали между Ярославской областью, недалеко от Плещеева озера, и Геленджиком. А потом Света краем уха ухватила часть досужего разговора своих знакомых о Тибете, Алтае и Шамбале. Молодая женщина рассуждала о том, что раньше главным энергетическим центром мира был Тибет, все духовные стремились туда за просветлением. Но сейчас учителя говорят, что гораздо более мощную силу источают молодые горы Алтая. Есть основания полагать, что именно там, а не в Тибете, находится мифическая Шамбала.

Света была заинтригована, изучила информацию от тревел-блогеров и в ближайший свой отпуск отправилась с мужем в Горный Алтай. Они провели чудесный летний месяц, влюбились в места, присмотрели хороший участок и решили обосноваться там. Средства у них были, так как незадолго до этого умерла Светина бабушка, оставив ей в наследство двухкомнатную квартиру в центре Москвы. Света задумала продать ее и организовать свое дело – построить русское подворье, где будет собираться молодежь, ориентированная на сохранение и развитие исконных традиций. Можно будет проводить семинары на народные темы, танцевать, играть, принимать туристов в гостевом доме. Муж был определен на пасеку делать собственный мед.

На фонтанирующем Светином энтузиазме события развивались стремительно. Бабушкину квартиру продали, в районе Чемала купили довольно большой участок, наняли работни-

ков на строительство бревенчатого дома, беседки, бани, через год летом переехали, уволившись и сдав свою квартиру знакомым. Поставили забор, купили машину-буханку, подходящую для этих мест, стали обустриваться.

Поначалу все шло превосходно. Свете казалось, что она наконец зажила правильной, гармоничной жизнью, о которой мечтала. Одевалась в яркие, длинные платья, перестала красить волосы, упразднила маникюр. Занимались хозяйством, завели собаку, принимали гостей из Москвы и Петербурга, пели, танцевали, путешествовали по окрестностям, катались на лошадях.

Осенью и зимой стало хуже. Местность опустела, гости разъехались. Привыкшей к многоплановой деятельности Свете стало не хватать разнообразия и столичных огней. А главное, она не ожидала, что будет так холодно. Света постоянно мерзла и почти все время проводила дома рядом с жарко натопленной печью, каждый день подолгу парилась в бане с кедровым аромамаслом, чтобы унять внутренний озноб.

Зиму кое-как пережили. Все, кроме пчел. С ними что-то не сложилось. Весной Свете понадобилось в Москву. Возникли кое-какие дела.

В столице было тепло, солнечно, красиво, всюду распускались посаженные к майским праздникам тюльпаны. Света встретила с друзьями и старыми знакомыми, зашла на прежнюю работу, все были счастливы ее видеть, звали обратно. Света поняла, что Москва – ее родной и любимый город, с которым у нее глубокая связь. И осталась. Жильцов попросили выехать из квартиры. Муж поспешно и невыгодно продал участок вместе со всеми постройками и, захватив собаку, вернулся в Москву вслед за женой.

Стираксу дали отставку. Деревянный уют у печки и хвойная баня навевали сожаления. Надо двигаться дальше. От простого к сложному.

Стеклянный многогранник с темно-коричневой жидкостью и рифленой крышечкой в форме раскрытого веера напоминал классику парфюмерии восточно-шипрового направления. На золотой этикетке черными буквами пером было каллиграфически выведено «Рукоделие Мойры».

Колдовской древесно-ароматический аккорд легким ореолом окружали цветочные и цитрусовые ноты. Света уткнулась носом в терпкую сладость блоттера, закрыла глаза, и щемящая тоска вознесла ее над землей.

Аромат вызвал глубоко личные ассоциации. Это был запах мамы. Любимой, родной, утраченной. Света видела сияющее лицо молодой, полной сил женщины и роскошный флакон на черном лакированном пианино. Маленькая Света забиралась на стул и украдкой брала его, отвинчивала крышку, вдыхала дивный эфир.

Ей было десять, когда мама умерла от внезапной болезни. Папа ушел из семьи гораздо раньше, сироту забрала к себе тетя, родная сестра мамы. Света прижала к груди «Рукоделие Мойры». Другие духи больше не интересовали ее.

Ирина продолжала свои уговоры: «Плоть требует повседневного ухода. Ты заботишься о своих волосах, делаешь прическу, ухаживаешь за кожей, не жалеешь денег на процедуры в салоне красоты, бережешь фигуру, терпеливо выполняешь все тиранические требования красоты – короче, внимательно следишь за формой. Но глянцевый фасад необходимо дополнить тонким намеком на духовное содержание. Духовностью нельзя пренебрегать, ведь именно она и придает тебе глубину, делает таинственной, завораживающей. Поэтому категорически нельзя экономить на духах. У же-э-энщины (Ирина интонационно выделяла это слово) их должно быть много, на все случаи жизни, под каждый цвет настроения. Правильно выбранный парфюм встраивается в момент и текущие обстоятельства и позволяет раскрыть в себе новую сущность. Надо менять образ. Обновляй свою операционную систему».

Глава 3

**Сумеречный зов Дианы. – Литературно-музыкальный салон. —
Femme fatale за Bechstein. – Неудовольствие по поводу неотвязного
кавалера. – Раздумье о духах. – Воспоминания о лесе. – Сестры. –
Ирина призывает искать свою собственную истину.**

Диану заинтриговал скромный темно-синий флакон. Куб из зернистого матового стекла имел табличку с надписью «Сумеречный зов». В нем содержалась припыленная, тронутая сладковатым увяданием и окутанная мягким дымом фиалка. Диана вкушала ее самозабвенно.

Тридцатичетырехлетняя незамужняя внучка незаслуженно забытого в России композитора второй трети XX века жила в композиторском доме на ...ом проспекте и дружила с внуками некоторых выдающихся актеров, избравшими вслед за своими именитыми предками актерскую стезю, и молодыми и уже европейски известными музыкантами. Сложившийся круг талантливейшей культурной молодежи не реже чем раз в месяц собирался в квартире у кого-нибудь из участников, реставрируя и обновляя традиции литературно-музыкальных салонов прошлых веков. Устраивались вечера с чтением стихов классических и современных поэтов, музицированием, просмотрами концертов и обсуждением заметных событий русской и зарубежной культурной жизни.

Чаще других собирались у Лидии N, дочери знаменитого скрипача-виртуоза. Обстановка ее квартиры была примечательной. Помпезный сталинский ампир номенклатурного дома, дух и элементы обстановки коммунальной квартиры 60—70-х годов модно сочетались с современным интерьером в стиле лофт, инкрустированным россыпью гаджетов. В просторной гостиной темно мерцала прорубь плазменной панели в полстены, в стеклянных ящичках под ней выстроились в несколько рядов коллекция дисков с киноклассикой и богатая фонотека, включающая диски и виниловые пластинки. Встроенная библиотека по боковым стенам гостиной пестрела разноформатными корешками книг, журналов и брошюр от свежеизданных до антикварных. Слева от плазменной панели на небольшом стеклянном столике в стиле хай-тек сиял в черной оправе широкий монитор компьютера с символом грехопадения, рядом с ним находились микрофон для онлайн-общения и большие наушники. В углу у французского окна тускло поблескивал патриарх – ореховый салонный рояль Bechstein конца XIX века, потертый и обласканный многими умелыми и одаренными пальцами. Когда приходили пианисты, Bechstein разливался всеми своими красками, царствовал над земным.

Диана старалась не пропускать вечера, на которых давно и прочно завоевала себе роль музы. Не лишенная природного изящества, она настолько прочно вжилась в этот образ, что постепенно, незаметно для нее самой, наряды и прическа от вечера к вечеру все больше приобретали древнегреческий флер, пока наконец не стали похожи на театральные костюмы. Завсегдатаям вечеров ее прямая осанка, мимика и жесты, отработанные до мельчайших нюансов, казались искусственными – они тактично старались этого не замечать, в крайнем случае снисходительно улыбались в кулак, но на гостей и новичков столь яркий образ производил иное впечатление. Диана владела искусством правильно себя подать. Достигнув первой цели – обратить на себя внимание, она подключала обаяние, демонстрировала сверхизысканные манеры, добивалась комплиментов и завоевывала интерес.

В обществе свежих, талантливых молодых людей сердце Дианы трепетало от избытка волнения и охотничьего азарта. Одного мужчину она любить не умела и торжествуя смотрела на свою двухгодовалую сестренку, которая без зазрения совести обожала всех мужчин. Сестра была не в курсе, что это неправильно, улыбалась им и к каждому хотела на коленки.

«Учти, сестричка, – поговаривала Диана, – когда ты вырастешь, тебе будут внушать обременительную необходимость сконцентрироваться на одном. Не поддавайся».

Страстная, влюбчивая натура не умещалась в раму семейной жизни и не испытывала по этому поводу никаких сожалений. Ее не точило чувство вины. На нее не давил каменной плитой российский код семейственности. Не считая себя обязанной соответствовать традиционным представлениям, она спокойно существовала за границей привычной, одобряемой обществом нормы, писала стихи, наслаждалась свободой, и интересы большинства ее семейных, «детных» знакомых, как и родительские сожаления, нисколько ее не смущали. Она проявляла трогательную заботу по отношению к своей сестренке, племянникам, детям подруг, при случае уделяла им внимание, дарила на праздники мило обернутые подарки, была с ними ласкова и игрива. Но о том, чтобы самой стать матерью, не помышляла.

Чувство влюбленности питало ее ощущение жизни, а воздухом Дианы были вдохновение и новизна. В погоне за ними она меняла объекты любовного интереса с таким постоянством, за которым усматривалась ритмичность, периодическая система. Строки Блока о том, что только влюбленный имеет право на звание человека, можно было считать основной установкой Дианы. Настоящая любовь, как она ощущала, – это вспышка, озарение, которое оставляет по себе трогательные воспоминания, произведение искусства и улетает.

С каждым новым возлюбленным Диана раскрывалась по-разному. Ей нравилось наблюдать за собой и удивляться. Между тем странная метаморфоза происходила и с мужчиной, который находился рядом с этой *femme fatale*. Он отрывался от привычного, сбивался с курса, лишался воли и внутренне зависал в невыносимой беспочвенности. И не дожидаясь момента, когда он мог бы начать досажать, Диана обыкновенно уже находила себе новый объект страсти и двигалась вперед, не пытаясь оправдать ни чужие ожидания, ни свои собственные. Дело расставания она обычно улаживала с особым мастерством и без лишних драм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.